

Т.В. Гончарова
T. V. Goncharova

**«ЯЗЫКОВОЕ ОТКРЫТИЕ» МАЛОЙ РОДИНЫ
В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ (ЛИПЕЦКОМ) ТЕКСТЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**"LINGUISTIC DISCOVERY" OF THE SMALL MOTHERLAND
IN THE PROVINCIAL (LIPETSK) TEXT OF RUSSIAN LITERATURE**

Статья посвящена анализу языка повести «Рождественские загары» липецкого писателя, лауреата множества литературных премий, члена Союза писателей России Геннадия Николаевича Рязанцева. Его произведения входят в антологию Липецкого (Провинциального) текста русской литературы, приоритет в выделении и обосновании которого принадлежит филологам ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. В настоящей работе мы предложили в ряду уже известных признаков, маркирующих принадлежность произведения к провинциальным сверткестам, выделить еще один – это наличие в тексте произведения узколокальных языковых особенностей – диалектизмов. Анализ языка повести с этой точки зрения позволяет констатировать, что в языковой структуре произведения встречаются все известные науке типы диалектизмов (фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические и семантические), которые, выполняя различные функции (номинативную, характерологическую, кульминативную, эстетическую), зачастую играют в художественной ткани произведения роль ключевых слов, слов-стимулов, формируя при этом важные в идейном и художественном плане ассоциации, а это, в свою очередь, способствует усилению эмоционально-оценочного восприятия произведения. Детальный анализ диалектизмов, функционирующих в повести, показал, что, наряду с общими для всех южнорусских говоров языковыми единицами, в тексте имеют место узколокальные диалектизмы, свойственные говору села Карамышева Липецкой области. Благодаря их использованию достигается полнота и правда художественного воплощения действительности, создается многомерный художественный образ малой Родины, показываются важнейшие черты национального характера, особенности русского взгляда на мир. По сути, можно с полным основанием утверждать, что языковая общность, проявляющаяся в наличии локальных языковых средств, может быть одним из признаков Провинциального (Липецкого) текста русской литературы. Исходя из этого повесть Геннадия Рязанцева «Рождественские загары», наряду с несомненными художественными достоинствами, имеет и научную ценность, поскольку в ней представлены языковые единицы, не зафиксированные в имеющихся на сегодняшний день лексикографических изданиях.

Ключевые слова: Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы, писатель Г.Н. Рязанцев, повесть «Рождественские загары», диалект, диалектизмы, говор с. Карамышево, функции диалектизмов.

The article presents the analysis of the language of the story "Christmas Tans" by the Lipetsk writer Gennady Nikolaevich Ryazantsev who is a laureate of many literary awards, and a member of the Writers' Union of Russia. His works are included in the anthology of the Lipetsk (Provincial) text of Russian literature, the priority in the selection and justification of which belongs to the philologists of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. In this paper, we have proposed to single out one more sign that marks the belonging of a work to provincial supertexts among the already known ones. This sign is the presence in the text of a work of such narrowly local linguistic features as dialectisms. An analysis of the language of the story from this point of view allows us to state that there are all types of dialectisms known to science (phonetic, derivational, morphological, lexical and semantic) in the language structure of the text and, performing various functions (nominative, characterological, culminative, aesthetic), they often play the role of key words, and stimulus words in the text artistic structure, while forming associations that are important in the ideological and artistic terms. This also helps to strengthen the emotional and evaluative perception of the text. The detailed analysis of dialectisms functioning in the story showed that, along with language units common to all South Russian dialects, there are narrow local dialectisms in the text that are characteristic of the dialect of the village of Karamyshevo in the Lipetsk region. Thanks to the use of dialectisms, the completeness and the truth of the artistic embodiment of reality are achieved, and a multidimensional artistic image of the small Motherland is created, whereas the most important features of the national character as well as the features of the Russian world view are shown. In fact, it can be argued with good reason that the linguistic community, manifested in the presence of local linguistic means, is one of the signs of the Provincial (Lipetsk) text of Russian literature. Proceeding from this, the story "Christmas tans" by Gennady Ryazantsev also has scientific value, along with undoubted artistic merits, since it contains the language units that are not recorded in the lexicographic publications available today.

Key words: Provincial (Lipetsk) text of Russian literature, writer G.N. Ryazantsev, story "Christmas tans", dialect, dialectisms, dialect of the village of Karamyshevo, functions of dialectisms.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-14-21

Открытие и обоснование липецкими филологами понятия Провинциального (Липецкого) текста русской литературы базируется на выделении целого ряда признаков, характерных для прецедентных текстов региональной направленности: это региональные топонимы и антропонимы, наличие определенной концептосферы, включающей ядерные, околядерные и периферийные концепты, а также концепты, репрезентирующие устойчивые типы героев. Это своего рода доминантные точки, с помощью которых фокусируется взгляд на провинциальный текст как некое культурно-смысловое единство, помогающее постичь образ русской провинции [6].

Однако, как справедливо отмечают исследователи, «для осмысления образа провинции в целом необходимо обращение к "деревенским" произведениям, которые играют важную роль» в отечественной литературе [10, 6].

Литературоведы говорят о деревенской прозе как об особом литературном феномене, возникшем в 60–90-е годы прошлого века, что было связано с постепенным исчезновением традиционной русской деревни, «с кризисом национальной самоидентичности» [1].

Творчество писателей-деревенщиков: Ф. Абрамова, С. Залыгина, В. Шукшина, Б. Можаяева, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, А. Солженицына, – было направлено «на сохранение в читательской памяти исчезающих из социально-исторической действительности пластов национального самосознания, традиционной народной культуры, этико-философских ценностей и эстетического идеала, хранительницей которых в течение веков была русская деревня» [1], на продолжение традиций русской классической литературы, связанных с творчеством И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, А.П. Чехова и др.

Можно констатировать, что произведения современных липецких прозаиков Н.А. Смольянинова, В.Т. Коротеева, А.М. Титова, А.В. Новосельцева, посвященных русской деревне нулевых и десятых годов XXI века, продолжают традиции классической «деревенской прозы», «унаследовав ее проблемы, конфликты, образы, характеры, сюжетные ходы и трансформировав их в соответствии с реалиями крестьянской жизни нулевых и начала десятых годов XXI века» [6, 185].

Особое место в антологии Липецкого провинциального текста русской литературы занимает творчество талантливого писателя Геннадия Николаевича Рязанцева, произведения которого уже были предметом нашего анализа в [6, 42–59, 143–156].

В рамках предложенной темы мы обращаемся к одному из ранних произведений – повести «Рождественские загары», о которой учитель писателя Михаил Лобанов, руководитель творческой мастерской в Литературном институте имени А.М. Горького, в которой в течение шести лет занимался Г. Рязанцев, сказал следующее: «Геннадий Рязанцев – несомненно одаренный автор. В этом убеждает и его повесть "Рождественские загары" <...>. Это сердечно написанная история о двух деревенских мальчиках» [7, 3].

Действие произведения происходит в годы коллективизации, повествование ведется от лица семилетнего мальчика, отец которого ушел в город в надежде заработками помочь семье, оставив в деревне жену с тремя детьми. Прототипом главного героя является, по свидетельству самого писателя, его отец, Николай Яковлевич Седогин, от лица которого и ведется повествование.

Наша задача будет состоять в анализе языковых особенностей повести, проявляющихся в наличии большого количества диалектизмов, что придает не только достоверность повествованию, выполняя важнейшие характерологические функции, но и позволяет констатировать, что использование локальных языковых особенностей можно рассматривать как одну из черт Провинциального (Липецкого текста) текста.

Данная задача требует осознания того места, которое сегодня занимают диалекты в системе общенационального языка.

Современные исследователи отмечают, что в настоящее время диалекты – это умирающее явление в системе национального языка, поэтому на фоне традиционного термина *диалект* вводятся понятия *полудиалекта* или *региолекта* в связи с тем, что за последние десятилетия «изменился культурный и языковой портрет села <...> как под воздействием волн урбанизации и других внешних деформирующих факторов, так и в силу собственной логики жизни» [9, 50]. Однако, помня о той роли, которую в свое время диалекты сыграли в становлении литературного языка, необходимо их осознание как национально-культурного наследия, обеспечивающего преемственность как в развитии нации, так и развитии языка. Именно поэтому необходима фиксация и описание диалектов прежде всего в специальных лексикографических изданиях.

К сожалению, липецким говорам в этом плане не повезло. До сих пор нет их системного описания, равно как и нет полного словаря липецких говоров. Интересное во многих отношениях учебное пособие В.Г. Головина не восполняет всех лакун в этой проблеме [2]. Исключение составляют елецкие говоры, которые представлены в том числе в писательской лексикографии. (См., например: [5]). Именно поэтому диалектный континуум, отраженный в повести «Рождественские загары», представляет не только художественный, но и научный интерес.

Следует отметить, что действие повести разворачивается в селе Карамышево Липецкой области, в котором родился и провел раннее детство сам писатель. Этот населенный пункт находится на юго-востоке от Липецка, в 50 километрах от областного центра. Он был основан во второй половине века XVII и до революции входил в состав Липецкого уезда Тамбовской губернии, после Октябрьской революции в связи с новым административным делением стал частью Дрязгинского района Воронежской области и, наконец, после создания в 1954 году Липецкой области вошел в состав Грязинского района Липецкой области. Таким образом, история вхождения Карамышева в разные административные единицы неразрывно связана с историей возникновения Липецкой области, которая объединила частично земли Тамбовской, Воронежской, Орловской и Рязанской областей. По свидетельству диалектологов, липецкие говоры относятся к южнорусскому наречию, входя большей своей частью в состав Восточной (Рязанской) группы [11, 157].

Обратимся непосредственно к анализу диалектных элементов в повести «Рождественские загары». Произведение начинается с описания праздника, с праздничного застолья, плясок под гармошку и пения частушек. Залихватское исполнение частушек, сопровождаемое авторскими ремарками («Тетка Фекла, приплясывая идет по избе, глаза живые, восторженные» [7, 5]; *А балалаечника Васю Кота как увижу на улице не могу глаз отвести* [7, 6]; *Девки с визгом и смехом вваливаются в сенцы и бегут в избу на голос гармошки*» [7, 6]), создает особое настроение, а сами тексты частушек, благодаря монологично-диалогичной форме исполнения и импровизации, отличаются экспрессией, эмоциональностью, которая создается за счет употребления междометий («Оха, оха, / Без гармошки плоха!» [7, 5]), восклицаний, эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики, использования для создания ритмико-мелодического рисунка диалектизмов: «*А я милую свою / Узнаю по платию, / На ней бела платия, / Вот мая симпатия //; Не гляди в окно, / Седая, / Твоя дочь со мной / Страдая. / Ай-я-я-я-й...!*» [7, 7].

Такое начало повести, наполненное звучанием, при котором звуки несут особую эстетическую информацию, погружает читателя в атмосферу живого народного слова, в мир народно-разговорной языковой культуры. И далее, на протяжении всего произведения наблюдаем особенности, которые отражают фонетическую систему говора, так называемые фонетические диалектизмы, связанные с недиссимильятивным (сильным) аканьем («*Да я ведь сперва к Егурку пошла, гаварю, убей **маво** кобеля, а он, хрен моржовый, напужался...*» [7, 51]), с яканьем (*чавой-то* – так называемое сильное яканье); в диалектных формах *Колька, Наскя, сколькя* произошла характерная для южнорусских диалектов прогрессивная ассимиляция: предшествующие мягкие согласные [л'], [с'] и [к'] влияют на последующие звуки, в результате чего они также становятся мягкими. Отметим также следующие примеры фонетических диалектизмов: *молонья, убёгла, ничё, ничаво, нынча, Хвилиток, хватера* (квартира) *пуцай, слухать, дурычкя, сымать, иде* (где), *конёхом* (тв. падеж от слова *конюх*), *рыги* (риги) *скрозь* (сквозь), *куды, вдарить, поторонись* (посторонись) и др.).

Интересен следующий фрагмент, демонстрирующий явно локальную фонетическую черту. Реплика деда главного героя, обращенная к его матери, содержит слово *сёрно*, неоднократно встречающееся в повести, но при этом совершенно непонятное вне контекста: «*Ты чего уперлась, как **сёрно** коза, едрена корень!*» [7, 25]. *Сёрно* – думается, это результат контаминации двух слов: *всё* и *равно* и дизерезы, выпадения звуков [в], [а], [н].

В тексте повести Г. Рязанцев иногда использует такое явление, как двоякий фонетический облик слова, что можно рассматривать как характерологическое средство. Так, имя одного из персонажей мать главного героя произносит как *Эканор* («*Да ты что сбесился, Эканор Давыдыч, – испуганно заговорила мать, – чего несешь-то?*» [7, 25]), в то время как в авторской речи противопоставлена литературная форма имени – *Никанор*.

Как правило, фонетические диалектизмы выполняют кульминативную функцию, связанную с привлечением внимания, она обеспечивается чаще всего за счет нарушения графического облика слова, через отступление от правил графики и орфографии.

Из морфологических диалектизмов наиболее частотными являются следующие:

типичное для ряда южнорусских говоров отсутствие форм среднего рода существительных:

«– *А вот правду говорят али брешут, – глядя деду Андриану в глаза, заговорила мать, – что при ихнем коммунизме все будем одной одеялой одеваться? <...>*

– *Ну и пуцай! Корову отдадим – она животная, а сами не пойдём* (в колхоз) [7, 26]; особые окончания существительных в дательном и творительном падежах (*к дяди Вани, ночей*);

формы третьего лица глаголов настоящего времени без конечного [т]: *приедя, хоча, можа, любя, покажа* и др.;

глаголы со значением многократности и повторяемости действия, образованные с помощью суффиксов *-ыва, -ива, -а*. Данное явление широко распространено в севернорусских говорах и менее – в южнорусских, однако в изучаемом произведении зафиксированы такие формы, как *глядайте, сказывал, пошумливал, пожеливайте* (от глагола *жалеть*);

специфическое, архаичное образование формы множественного числа, где относительно древнее окончание *-а*, распространенное в юго-восточной части южнорусских говоров, используется в словах, чуждых диалектоносителям:

«– *Наскя, к тебе члена'* (члены правления колхоза. – Т.Г.) *идут, – сказала и убежала через двор*» [7, 24]. (Автор в тексте специально указал произносительный вариант, поставив ударение. Ср. аналогичные формы *города, дома, волоса* и под.)

В тексте повести широко представлена такая грамматическая особенность русских говоров, как интенсивное употребление частиц, вводных слов, междометий, которые вносят в речь разнообразные оттенки смысла, и, являясь своеобразными выразительными актуализаторами, усиливают при этом эмоциональность и экспрессивность высказывания:

«[Мать] *отерла мне лицо своим платком и заглянула в глаза:*

– *Да ты небось сбежал, Коля?..*

Я утвердительно кивнул головой.

– *Как же ты дорогу-то нашёл, не заблудился, – загорилась она, – да тебя, поди, теперь ищут там, ох- ох... <...>*

Я достал из-за пазухи мягкий нагретый хлеб и протянул его матери. Она взяла его в руки и проговорила:

– *Да, Колюшка-а. – Едва заметные слезы блеснули в ее глазах, но она засмеялась.*

– *Глянь-кось, и ни разочку не укуси-ил...»* [7, 50].

Группа словообразовательных диалектизмов представлена следующими лексемами: *рассерчал, вчерась, блинец, цыплек, пораней, заместо, кочеток, длинногачий, тута, взавтра, загорилась (начала горевать), бывалоча, на дыбки* (вставать), которые свидетельствуют о богатейшем словообразовательном потенциале русского национального языка.

Особое внимание при анализе языка художественных произведений обращается на лексические диалектизмы, поскольку, как известно, именно лексическому уровню принадлежит ведущая роль в репрезентации как языковой картины мира в целом, так и диалектной.

В повести «Рождественские загары» представлены диалектизмы, известные многим русским диалектам и практически всем южнорусским говорам: *хата, чапля, рогач, сенцы, матица, дюжа, на силу, таган, залётка, рушилка, варок* 'загон для скота', *квач* 'помазок, кисть', *зеленя, конёк* 'лавка, скамья в виде длинного ящика с крышкой'. Многие из них связаны с тематическими группами «Дом», «Домашнее хозяйство», «Пища», «Природа», которые получают в повести статус особых текстовых единиц, ключевых слов-стимулов,

приобретая зачастую символическое звучание. Обратим внимание лишь на те из них, которые, по нашему мнению, составляют особенности говора с. Карамышево. Так, к тематической группе «Дом», относятся следующие лексемы, не зафиксированные в известных диалектных словарях: *задруга* 'деревянная палка, прикрепленная к краю лежанки печи, с помощью которой влезали на печь', *группка* 'лежанка на печи'). С помощью этих и других народных слов создается атмосфера родного дома, согретая теплом и уютом, любовью родителей. Образ родного дома неразрывно связан для главного героя с образом матери: «*Все у меня с ней открыто, и я люблю ее без страха. Она тонкая, в простой кофте и складчатой юбке, как сноп пшеницы; ловкая и скорая, как ласточка, устраивающая гнездо*» [7, 12]. Речевой образ матери характеризуется наличием большого количества диалектизмов, что неудивительно, поскольку, как еще в свое время отмечал Пушкин, именно женщины являются носителями и хранителями исконного языка:

«— *Коль, ты погляди, — раздосадованно проговорила мать, — ни то они иде пропадают, ни то нет, посылки-то?*

— *А на чем их возят, мам?*

— *Дальние, поди, в вагонах, а потом лошадьми до селпо, и, можа, наша иде упала и лежит при дорожке...*

<...> — *Чтой-то не сидится, Колюшка, пойду лягу, — сказала мать, — небось время скорей пойдет, а вы поиграйтесь вон на лужку, нынча дел нету...*» [7, 30].

<...> — *А какие такие паровозы, мам?*

— *А я почем знаю, какие они? Отец сказывал, паровоз — это большая железная животная и паром дышит, как сёрно змей-горыныч. — Она тоненько, озорно засмеялась, вспомнив, как пугал ее отец...*» [7, 38].

Напевность, особенную лиричность речи матери писатель подчеркивает графическим выделением в тексте слов (*мила-а-я, Ко-олушка*) или словами, вводящими прямую речь:

«— *Ох, ох, ох, — по своему запела мать...*» [7, 24].

Удивительно проникновенно и щемяще звучат просьба матери, обращенная к пастухам колхозного стада, когда увели со двора единственную кормилицу — корову Зорьку, что создается особой формой со значением многократности действия, образованной от глагола *жалеть* (причем автор приводит этот глагол с сохранением произношения — *пожеливайте: «А я говорю Гришутке: да вы тут пожеливайте её»* [7, 52], а затем причитания по умирающей корове, сгоревшей во время пожара на колхозных *рыгах*: «*Милая ты моя-я, какую ты трудную смерть себе сыскала!*» [7, 56].

Таким образом, можно констатировать, что диалектные слова вырастают до образосимволом, порождая следующие ассоциативные связи: *родной дом — семья — мать — родной, исконный язык*.

Поскольку действие повести разворачивается в период коллективизации, одним из последствий которого был голод среди крестьянского населения страны, то в лексической структуре текста закономерно появляются слова тематической группы «Природа» и «Пища», связанные главным образом с номинацией растений, употребляемых в пищу. Кроме традиционной *картохи*, ели такие дикие растения, как *скорода, куга*. Обратим внимание на номинацию *куга* («жен., ср. и южн.-рос. растение *Elaeocharis, Scirpus*, Турфа; болотное круглостебельное, безлистное растение, которое идет на плетушки разного рода и на оплет стульев; губчатый тростник, осока, ситник, ситовина, ситовник» [3, т. 2, 211]) в связи с тем, что эта лексема играет важную роль в формировании содержания текста, принимая участие в создании предметно-обиходного описания народной жизни, и служит интересным и ценным источником этнографических сведений о жизни русского народа в один из сложных и противоречивых периодов его истории: «*Люди из села <...> выдергивали кугу и из сочных **кочетков** готовили себе пищу. Жарили, разводя костры прямо на лугах, собирали в охапки и несли домой. Там сушили в печи, отделяли от тонких жил <...>. Толкли в ступе на муку и пекли из нее, добавляя, если есть, щепотку ржаной муки или лузги, **лантрушки**, а то и затирали водой **на блинцы**...*» [7, 22].

Лексему *лантрушка* можно охарактеризовать как узколокальную, возможно, «привязанную» именно к конкретному говору, она не зафиксирована в наиболее полном «Словаре русских народных говоров». В некоторых липецких говорах отмечаются следующие слова, обозначающие изделия из пресного теста и из сырого картофеля: *ландушка*, *ландошка*, видимо, однокоренные с лексемой *лантрушка* [11, 142].

Слово *кочеток*, также не зафиксированное в «Словаре русских народных говоров», по всей вероятности, является словообразовательным дериватом лексемы *кочан*, которая, по В.И. Далю, соотносится со словами *кочень*, *кочерыга*, т.е. «хрящеватый, кочанный стебель, кочерыжка» [2, т. 2, 180].

Еще одно интересное слово, раскрывающее тему голода, – *кобёл*, *коблы* (мн. ч.), которое отражает особенности говора с. Карамышево, представляя один из фрагментов языковой картины мира. «Словарь русских народных говоров» фиксирует его широкую локализацию от Вятки до Астрахани [8, вып. 13, 355–356], при этом ни один из представленных в словаре лексико-семантических вариантов не соотносится со значением, реализующемся в тексте произведения. В липецких говорах зафиксированы два, причем антонимичных, значения: 'кочка, бугор' и 'яма из-под коряги в пруду или на реке, низина' [11, 145, 147]. Однако контексты его употребления в произведении свидетельствуют о специфической семантике, связанной с конкретным регионом и демонстрирующей один из способов языковой концептуализации мира: «Разлив полой воды был великий в тот год. Уровень ее поднимался метров на шесть, подходя краями до колодцев хуторян. Бурлящая вода вырывала **кугу** с корнями и почвой и выносила целые **коблы** на дуга, которые и застревали на них, когда вода медленно уходила. **Это были целые острова, большие и маленькие, с высокой сочной кугой**» [7, 22]. На базе этого значения возникает метонимический перенос по модели «предмет – место, в котором он находится»: «**Пошли на коблы, я спички взял и ошмыжку**» [7, 21]. (*Ошмыжка* – «от ошмыгивать, о(б)шмыгать что, обтереть или обшаркать, обдержать, выгладить треньем, шмыгая, особ. мягким» [3, т. 2, 632].

Среди разнообразных элементов, репрезентирующих диалектную картину мира, исследователи особо выделяют слова с эмоционально-экспрессивной коннотацией, подчеркивая, что в диалектах гораздо больше, чем в литературном языке слов с негативной оценкой. Там, в анализируемом тексте встречается слово *лохмотник*, также имеющее узколокальный характер, поскольку во многих русских говорах это слово имеет значение 'оборванец, нищий; бедняк' [8, вып. 17, 162]. Однако в говоре с. Карамышево им обозначается род занятий: это старьевщик, ездящий по деревням, обычно на телеге, собирающий утиль и обменивающий его на разную мелочь, необходимую в хозяйстве (нитки, иголки и под.). Пренебрежительная оценка, проявляющаяся в номинации, показывает отношение людей, ежедневно занятых тяжелым крестьянским трудом, к такой сравнительно легкой работе.

Эмоционально-оценочная лексика представлена в анализируемом тексте словами разной частеречной принадлежности, среди которых преобладают глаголы, оценивающие разные стороны поведения человека: *обротать* 'усмирить', *бурбонить*, *хоронить* 'прятать', *караться* 'мучиться, терзаться', *заколготиться*, *брехать* 'лгать', *налупиться* и др.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» – эти слова Л.Н. Толстого мог произнести и наш маленький герой, но для него детство разделилось на две части: до отъезда отца на заработки и после. Счастливые воспоминания связаны с праздниками, с общением с отцом во время так называемых «*рождественских загаров*».

Следует особо пояснить словосочетание *рождественские загары*, тем более что оно вынесено в заглавие произведения и поэтому является сильной позицией текста, позволяя глубже проникнуть в его идейное содержание. Являясь неузуальным, поскольку в литературном языке слово *загар* не имеет формы множественно числа, представляя собой оксюморонное сочетание, оно, в конечном итоге является этнографизмом, использующимся для номинации специфически местных явлений и в соответствии с этим не имеющим синонимов в литературном языке. Вот как сам писатель объясняет его:

*«Вот наступают рождественские морозы. По ночам тишина, на дорогах помет лошадиный стреляет, лед на озере Духовом становится метровой толщины. А днем пригреет солнце, и в воздухе потеплеет, вот в это самое время рыба **сгорается**, как говорят в народе. **Рождественские загары** – настоящий праздник на озере Духовом. Рыба мается под толщью льда, бьется, ищет любой выход, чтобы глотнуть свежего воздуха для продолжения жизни. Перепад от мороза к теплу – первейшее знамение. Собираются почти все мужики хутора, и три дня идет подготовка к ловле рыбы; томят рыбу, ждут момента...*

В тот год загара ждали особо те жители нашего села, у кого не было своей коровенки и у кого земля плохая была. Туго было с харчами» [7, 15–16].

Принимая участие в «рождественских загарах», мальчик ощущает свою причастность к взрослому миру, радость от общего труда, от осознания возможности помочь семье.

Подведем итоги. Отдавая «последний поклон» деревне, Г. Рязанцев рисует фрагмент языковой картины мира, присущей конкретному языковому коллективу, причём достигается это благодаря использованию элементов диалектного языка. При этом следует подчеркнуть, что, во-первых, такое последовательное отражение народного языка обеспечивается, конечно, же знанием самим писателем родного диалекта, во-вторых, что особенно важно, наличие диалектизмов ни в коей мере не создает проблем с пониманием текста, поскольку подсказкой всегда служит или семантика соседних слов, или более широкий контекст, или комментарии самого автора. Более того, диалектные включения позволяют достичь полноты и правды художественного воплощения действительности, помогают созданию многомерного художественного образа малой Родины, раскрытию и сохранению важнейших черт национального характера, русского взгляда на мир. По сути, можно с полным основанием утверждать, что языковая общность, проявляющаяся в наличии локальных языковых средств, может быть одним из признаков Провинциального (Липецкого) текста русской литературы.

Выдающийся немецкий лингвист Лео Вайсгербер, осознавая диалекты как феномен культурного наследия народа, как фактор, способствующий сохранению национальной идентичности, высказал следующую мысль, частичную цитату из которой мы использовали в заглавии нашей статьи. И поскольку она соответствует пафосу нашей работы, в заключение приведем ее полностью: «...диалект – это языковое открытие родины... независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию внешнего и внутреннего мира, что они действительны и в сравнении с литературным языком» [Цит. по: 4, 120].

1. *Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX в.): автореф. дисс. ... д-ра филол. н. М., 2002. URL: <http://https://www.disscat.com/content/fenomen-derevenskoi-prozy-vtoraya-polovina-khkh-v> (дата обращения: 05.07 2023).*
2. *Головин В.Г., Головина Л.И., Проворотова Е.А. Говоры Липецкой области. Воронеж, 1987.*
3. *Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.*
4. *Калынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. – 1997. № 3. С. 115–124.*
5. *Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. Елец, 2015.*
6. *Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики: монография / отв. редактор Е.А. Попова. Липецк, 2020.*
7. *Рязанцев Г.Н. Рождественские загары. Повесть. Рассказы. Воронеж, 1993.*
8. *Словарь русских народных говоров. Москва – Ленинград, 1965–.*
9. *Шапошников В.Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 50–57.*
10. *Шурупова О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверткесты): монография. Тамбов, 2014.*
11. *Щеулина Г.Л. Диалектная речь и формы ее репрезентации. Липецк, 2004.*